

Роман Сенчин

Роман
Сенчин
Русская
Зима

Две истории бегства

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С31

Художник — *Андрей Рыбаков*

В книге процитированы строки из песен
А. Башлачёва («Поезд»), Б. Гребенщикова («Ты нужна
мне»), Р. Билыка («Все, что тебя касается»), а также
стихотворение А. Долгарёвой «Так остаешься один...»

Сенчин, Роман Валерьевич.

С31 Русская зима : [повести] / Роман Сенчин. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. —
443, [5] с. — (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-135336-0

В новой книге Романа Сенчина две повести — «У моря» и «Русская зима». Обе почти неприкрыто автобиографичны. Герой Сенчина — всегда человек рефлексии, человек-самоанализ, будь он мужчиной или женщиной (в центре повести «Русская зима» — девушка, популярный драматург). Как добиться покоя, счастья и «правильности», живя в дисбалансе между мучительным бытом и сомневающейся душой? Проза Сенчина продолжает традицию русской классики: думать, вспоминать, беспокоиться и любить.

«Повести объединяет попытка героев изменить свою жизнь, убежать от прошлого. Русская зима в повести — синоним русским горкам. Судьба персонажа меняется этой зимой» (*Роман Сенчин*).

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135336-0

© Сенчин Р.В.
© ООО «Издательство АСТ»

У МОРЯ

— **П**ро условия помните? — Хозяин стоял между ним и дверью, поигрывал ключами на колечке. — На длительный срок. От шести месяцев.

Можно было решить, что если услышит «четыре», не поселит. Но Сергеев не стал дразнить — был настроен жить здесь до упора. И сейчас ему казалось, что упор далеко-далеко. На то, чтоб только отоспаться, уйдут многие недели, чтоб снова набраться сил — год. Если получится набраться. В его возрасте это сложно.

— Да, помню. Всё в порядке.

Хозяин был высокий, широкий, большой. Наверняка сам строил этот домик... Конечно, нанял бригаду профессионалов, но вряд ли оставался в стороне и просто наблюдал.

— Как зовут вас? — повернулся к двери.

— Олег.

— А, да, Олег. — Один щелчок замка, другой. —

А меня — Рефат.

— Да, я помню.

— Что же, проходите. Вот...

Рефат говорил по-русски хорошо. Лучше и внятней многих русских. Но эта внятность и выдавала в нем нерусского. Или не совсем русского. Хотя если бы не имя, Сергеев вряд ли сейчас подумал об этом. Волосы русые, черты лица вполне славянские...

Прихожая. Напротив входной — дверь в туалет и душ, налево — довольно просторная кухня, дальше — спальня. Стенной шкаф с зеркалом.

— Подушка, одеяло, — говорил Рефат. — Постельное белье — ваше. Я писал.

— Да.

— Плита газовая, с баллоном. Будет кончаться — звоните. Посуды нет. Предупреждал.

— Да, да...

Хорошо хоть имелись стол, стулья, тумбочка. И крошечный холодильник.

— Вода греется в колонке, — Рефат завел Сергеева в туалет. — Вот душ, исправен. Стиральная машина...

— Хорошо.

— Бумагу прошу в унитаз не бросать — канализация автономная, бактерии бумагу не едят.

— Да...

— Полы теплые. Вот реле. Регулируйте. Днем если тепло, лучше отключать — много электричества жрут.

Сергеев кивал почти машинально. Хотелось понастоящему одного — чтоб хозяин закончил церемонию вселения и ушел. И остаться одному, в тишине. Упасть на кровать.

— Значит, устраивает? — Рефат как-то настороженно-подозрительно посмотрел на Сергеева, будто не веря, что он так запросто согласится здесь поселиться, тем более «на длительный срок». Покопался на не-

большой его чемодан, на тонкую сумку для ноутбука. — Это все ваши вещи?

— Пока — да. Пока — достаточно... Всё нормально, — сказал Сергеев.

— Тогда, — Рефат сделал паузу, — рассчитаемся? Пятнадцать за месяц и десять — залог. Только наличкой!

— Да, вы предупреждали. Я помню.

Сергеев вынул из внутреннего кармана пальто бумажник. Хороший, кожаный, фирмы *Virronen* — московские ребята делают, и не хуже каких-нибудь итальянцев...

Пять бордовых купюр Рефат принял без особой радости, даже слегка скривился. Сергеев не стал спрашивать почему. И про договор не спросил. Обычно ведь договор аренды заключается... Но, может, лучше без договора — паспортных и прочих данных. Вселился просто человек — и стал жить.

— Вы один будете?

— Да.

— Тогда я лишние ключи отстегну. А то... Если свой потеряете — звоните.

— Хорошо.

И вот ключ с колечком на ладони Сергеева. Дверь закрылась.

Он включает пол — в доме прохладно; ноябрь и здесь ноябрь.

Можно падать.

* * *

Много лет он работал. И устал. И бросил работать. У него скопилась некоторая сумма — недостаточная для того, чтобы купить домик в каком-нибудь не самом

глухом углу страны, но позволяющая пожить пару лет в съемной квартире. И он выбрал квартиру не в человекинке на краю мегаполиса, а вот такую — в напоминающей одесскую из фильмов двухэтажке на шесть квартир, с лестницами и террасой. И главное — с видом на море.

Нашел ее на «Авито», списался с хозяином и прилетел.

Двухэтажка находилась в дачном поселке Буревестник. Буревестник-2, если точно. С одной стороны на карте была обозначена Антоновка, с другой — Михайловка. И он, Сергеев, посередине. Спрятался.

...В первое утро проснулся поздно и, не вставая, долго привыкал к месту, где будет жить.

Спальня прямоугольная, небольшая, но без лишних вещей ощущения тесноты не создается. Двухспальная кровать, удобный матрас. По крайней мере, спину не ломит.

Он научился отличать хорошие матрасы от плохих. Это в двадцать лет спится хоть где и на чем, а в сорок семь...

— Так, так, так! — Сергеев остановил внутренний гундёж, поднялся, помахал руками, присел несколько раз. Отодвинул плотную, тяжелую штору. За окном было бело. Как молоком затопило. Нет, сметаной — густой и вязкой.

Не сразу сообразил, что это туман.

Пошел курить. Терраса — удобно... По пути снял с вешалки пальто, накинул.

Думал, будет зябко, а оказалось тепло. Туман — как пар. Вдыхать страшноовато, кажется, вольется в легкие, и захлебнешься.

Раздышался. Закурил. Пепел решил стряхивать вниз, а окурок занести в дом, залить водой из-под крана, завернуть в туалетную бумагу, бросить в урну... Надо что-то под пепельницу приспособить.

Внизу — определил по звуку — открылась дверь. Шаги. Страхивать пепел стало опасно.

— Ну видишь же мряка какая. Как тут гулять? — гулко и одновременно приглушенно, будто через огромную подушку, раздался женский голос. — Рада, пойдем домой!

— Не-не-не! — ответил детский.

И на видимом Сергеевым сквозь белые неподвижные клубы пространстве узкого двора появилось, задвигалось маленькое, розоватое пятно; наверное, та самая Рада.

Пятно достигло забора и стало толкаться в него:

— Не! Не!

К розоватому пятну двинулось большое и темное — скорее всего, мать.

— Доня, пойдем. Пойдем, я мультики найду.

— Не! — отрицательно-напряженное в ответ, и мягкие удары в камень забора. Кулачком или каким-нибудь мячиком.

Сергеев осторожно сдул с ладони пепел. Старался не шуметь — почему-то не хотелось, чтоб его заметили.

— Рада, ну что ж такое? Мама домой хочет, маме тут страшно. Пойдем.

Сергеев тоже чувствовал нечто вроде тревоги в этой белой плотной мряке; развернулся, открыл дверь. В спину ударило особенно громкое:

— Не!

И следом бухнул из-за забора тяжелый собачий лай.
Ребенок заплакал, женщина закричала:
— Умка, фу, перестань!

* * *

Ходил по квартире и... Нет, не «наслаждался» — другое какое-то чувство грело и моментами подпекало. Подпекало так, что хотелось свернуть горы... И опять же не то — не «хотелось», а возникала уверенность, что вот здесь, в этих стенах горы можно, вполне реально свернуть.

Первый раз нечто подобное Сергеев испытал в неполные пятнадцать. Умер дед, и освободилась комната — настоящий кабинет, обе глухие стены которого от пола до потолка были укрыты стеллажами с книгами.

Дед был историком, клял власть, которая не хотела правды, почти не публиковался — его статьи возвращали в грязных бумажных конвертах с шеренгой марок в верхнем правом углу. Марки Сергеев отпаривал над чайником, сушил и вкладывал в альбом. Впрочем, почти все они были одинаковые, и в конце концов он забросил это занятие... А дед молча и сосредоточенно читал короткие письма из редакций, рвал их, из раза в раз слезно рыча:

— Не хочет правды власть... Не хочет... Бои-и-тся...

Умер он в начале перестройки, когда власть наконец-то правду разрешила. И дед весной восемьдесят шестого воспрянул, а ближе к осени стал разваливаться. Буквально.

Это, наверное, были микроинсульты, жалившие его один за другим: речь стала как у пьяного, потом перекосило лицо, потом правая нога не стала слушаться, потом вся правая сторона. В больницу он не хотел — отбивался палкой от родителей Сергеева и врачей скорой. Умер в своем кабинете на большом, но узком, не для спанья, диване.

Родители почувствовали явное облегчение, а Сергеев попросту радость. Во-первых, дед все последние месяцы его пугал своим видом, несвязным громким мычанием, а во-вторых, он становился обладателем отдельной — своей — комнаты. С детства спал на топчанчике за кухонной дверью, уроки делал в зале — одновременно спальня родителей — за обеденным столом, и вот — переезд.

Хотел сделать ремонт. Сам. Часть книг выбросить или отнести в библиотеку — родители к ним были, в общем-то, равнодушны, — наклеить светлые обои, повесить не такие толстые шторы, вместо абажура, из-за которого в комнате вечно сохранилась полутьма, повесить люстру, диван сменить на удобную, широкую тахту...

И в этой обновленной комнате, казалось ему, он начнет отлично учиться, наберется знаний, найдет смысл своей жизни. Да, в пятнадцать лет ему очень нужно было понять, для чего живут люди, для чего появился он сам.

Но родители были против ремонта: «Пусть пока так, хотя бы до сорокового дня. Нехорошо сразу после похорон — плохая примета». Сергеев согласился, а потом уже не возобновлял о ремонте разговоров — привык. Вжился. И пыл всерьез учиться как-то пригас; на диване так приятно дремалось после школы, абажур

создавал ощущение, что ты в своем мирке — уютном, тайном...

Во второй раз случилось в армии. Сергеев тогда вовсю сочинял стихи, в прямом смысле бредил ими — на строевой подготовке, на политзанятиях, за чтением устава, во время марш-бросков в голове колотились рифмы, слагались в строфы. Однотонные звуки рождали ритмы, размеры.

Но занести стихи на бумагу возможности почти не случалось. Свободного времени было мало — даже в отведенный раз в неделю час для «писем на родину» полагалось писать именно письма. Сергеев, конечно, умудрялся кое-что набрасывать, но страх, что это увидят сержанты, деды, да и свои же одноклассники, начнут докапываться, мешал уходить в то измерение, что называют «поэзия». А то, что его строки и строфы, переполнявшие мозг — это поэзия, Сергеев тогда был уверен. И страдал. И вспоминал прочитанную подростком биографию Тараса Шевченко. Как ему запрещали писать и как ему было от этого невыносимо.

Но однажды Сергеев подхватил ветрянку.

Почти неделю провел один в палате. Совершенно один! Еду приносил санитар в маске, врачи не донимали.

И в первые часы в Сергееве полыхало вот это прекрасное, отрывающее от земли чувство: «Здесь-то я смогу! Здесь сверну!...» Руки чесались, голова кружилась... Но не было бумаги — тетрадь, которая хранилась в тумбочке, он не захватил, а санитар по его просьбе принес всего два листа.

Когда, быстро исписав их, Сергеев попросил еще, санитар уставился на него недоуменно и с подозрением. Действительно, зачем этому рядовому столько бу-

маги — жалобу, что ли, строчит, или еще чего хуже. Может, в особый отдел доложить?.. «Ладно, не надо, — сказал Сергеев. — А книги есть? Почитать».

Санитар принес стопку книг. Всё это была беллетристика о войне, которую сочинили люди, явно не воевавшие. Сергеев полистал, поползал взглядом по страницам, и потянуло в сон. Сон этот продлился все те дни, что провел в карантине. С короткими перерывами на еду...

В следующий раз его подбросило от уверенности, что сейчас-то здесь-то всё сможет, в двадцать восемь лет. Он давно окончил институт, женился, у него была дочь. Зарабатывать получалось с переменным успехом — как говорится: часом с квасом, порой с водой. Жене надоели эти перепады, Сергеева она, может, и не разлюбила, но перестала уважать. И наверное, подсознательно, не желая того, выдавливала, выживала из дому. Может быть, так же первобытные женщины выживали из пещеры неспособного охотиться мужчину, надеясь найти того, кто способен.

И Сергеев ушел.

В институте его помнили, он хорошо учился, подавал надежды и отчасти оправдал их. И когда рассказал в деканате, что остался без крыши над головой, что снимать квартиру ему сейчас не на что, дали комнату в общежитии. Не бесплатно, но такую сумму Сергеев мог потянуть. Главное — это двенадцатиметровое пространство было только его.

Запущенное, правда, с истертыми, а кое-где отставшими от стен обоями, с покрывалом вместо шторы, рассыпающимся стулом, горками мусора по углам, выбитыми паркетинами.